

ОНИ

18+

ПРОЖОДЕТ

С ДОЖДЕМ

Виктор Колесников

Виктор Владимирович Колесников

Они приходят с дождем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67766492

SelfPub; 2022

Аннотация

Они приходят с дождем...

Этот рассказ рекомендуется читать под звуки грозы.

Виктор Колесников

Они приходят с дождем

«Они» пришли с первыми каплями неутихающего ливня. Этот поток воды трудно было назвать дождем, скорее, – наваждение, от которого не скрыться и уж точно не остановить. Вода хлынула с черных, закрывших небеса туч. Небо было не просто пасмурным, а практически черным. Небосвод разразился внезапно, но не так, как обычно происходит перед грозой, когда поднимается сильный порывистый ветер, нарушая сверхъестественную, даже незыблемую тишину. Очевидцам тех событий казалось, что животные внезапно проявили тревогу. Особенно беспокойно вели себя собаки. Возможно, их страх был вызван инстинктами – памятью предков.

Посаженные на цепь, будто обезумевшие они метались, пытаясь вырваться из оков. Жившие с хозяином в доме, поджав хвост, забирались в дальний угол, словно пытались быть как можно дальше от окон и входной двери, а питомцы владельцев коттеджей забивались в угол на верхних этажах. Степнания небес ощущались все сильнее и еще до первых капель окрестности Мурома содрогались канонадой, напоминающей залпы артиллерийских орудий, работающих перед наступлением основных штурмующих сил. Лавиноподобно нарастали раскаты грома. Тёмно-фиолетовое полотно небес разрывали яркие витиеватые молнии, мелькали зарницы и

местами, вдалеке, небо будто вспыхивало, озаряя близлежащие домики. После обеда над Муромом нависли сумерки, затенив улицы и рошу, окружавшую помрачневший город.

Еще до первых дождевых капель я успел заехать в свой магазинчик запчастей для немецких автомобилей и забрал у продавца выручку за несколько рабочих дней. А после, до появления бескрайних очередей на кассах, умудрился купить продуктов к запланированному ужину в японском стиле. Будто бы перед стихийным бедствием люди запаниковали и принялись сметать туалетную бумагу, соль и гречку с полок, хотя ничего не предвещало беды. Сам то я терпеть не мог японскую кухню, но моя жена Маша и восьмилетние двойняшки Соня и Даша были искушенными любителями всевозможных блюд из сырой рыбы и риса. Казалось, что возиться часами на кухне, заворачивая ингредиенты в водоросли, походившие на целлофан мусорных мешков, было одним из любимых занятий моих дочерей. «Ну, а что мне? Плохо что ли? Даже хорошо!», – думал я. В это время я с легкостью мог оккупировать диван и телевизор, открыв холодное пиво, лицезреть, как наша сборная с треском проигрывает мужчинам, чьи деды и прадеды за шесть недель отдали свою страну фашистской Германии.

Мои девочки не обращали внимания на погодные аномалии. На самом деле вся наша семья очень любила грозы. Проводить вечера с Машей на веранде нашего небольшого домика, вдыхая озон и вкушая сухое вино из собственной

коллекции, было лучшим занятием в беспощадно знойном августе. Интересно то, что гидрометцентр ни слова не упомянул про надвигающуюся грозу, хотя обычно их прогнозы, на мой взгляд, были весьма правдивыми.

Из окон нашего дома был виден изгиб Оки. Примерно в шесть вечера над ней нависла белесая пелена дождя. Вода падала с небес плотным потоком. Рябь, создаваемая крупными каплями, была хорошо видна через открытое окно. А на стекле от потоков воды создавался непривычный, искаженный вид всего, что можно было видеть из дома. Разводы растягивали пейзаж, создавая причудливые формы деталей улиц, ставших уже привычными для нас. И пусть дождь нарушил возможность провести вечер на веранде, ведь там уже не было сухого места, все равно я собирался весь вечер проболтать с Машей. Когда девочки – маленькие чудовища, – выполнив все свои задачи по уничтожению нашего уютного гнезда, наконец-то засыпали, наступало наше время. Эти мгновения мы посвящали разговорам обо всем. Иногда я ловил себя на мысли, что веду беседу со своей супругой о весьма мужских делах, но она никогда не уходила от разговора и не меняла тему. «Видимо, умеет спать с широко открытыми глазами», – каждый раз думал я, замечая, что рассказываю ей о деталях двигателя, а она, внимательно слушая, кивала головой. Мои дочери, конечно же, никогда не были обузой для меня. Я искренне любил всех моих девчонок, а они – позволяли мне любить их.

Несмотря на наличие электричества в эту аномальную грозу, телевизионные каналы транслировали рябь или синеву. Тогда я включил забытый архаичный радиоприемник. Но покрутив колесико частотной настройки, не смог найти ни единой работающей радиостанции, кроме местного религиозного радиоканала с тривиальным названием.

«Апокалипсис начался сегодня. Покайтесь, рабы божие, и вы будете спасены!», – нараспев, глубоко и протяжно вещал некий Отец Андрей. «Они уже здесь! Только праведные смогут сохранить свои жизни!», – я, не дослушав, выключил радио, после чего направился на кухню, где работа кипела во всю.

Так беззаботно и прошел день. Мы наслаждались круговоротом вкусов навязанной нам маркетологами японской кухни, а в это время дождь все так же интенсивно лил, образуя небольшие лужи. Они увеличивались. Росли. Становились глубже и уже к восьми вечера по улице и двору текли ручьи. Я выпил пару банок пива, а потом мы с Машей прикончили Каберне-Совиньон. В это время дочери играли на подоконнике в столовой. Сначала они о чем-то спорили, смеялись и рисовали пальцами на запотевшем стекле, как вдруг резко притихли. Внимание девочек было направленно на что-то, свергшее их в оцепенение. Несмотря на то, что я был смелее их на целый литр пива и два бокала вина, состояние первобытного ужаса, введшего в ступор моих дочерей, сильно меня взволновало. Я, конечно, понимаю, что ребенок может

испугаться тени, раскинутых, качаемых ветром сухих ветвей в окне, и даже чего-то, наблюдавшего из щели приоткрытого шкафа в детской, созданного их воображением. Но сейчас их страх был настолько сильным, что я почувствовал его и невольно перевел взгляд на большой кухонный нож, наточенный мной сегодня, не хуже самурайского меча.

С тех пор, как я заметил испуг своих дочек, прошло несколько мгновений, и в подтверждение своей правоты я услышал протяжное: «Па-а-п?». Их слившиеся в унисон голоса, словно разряд тока, хлестнули мое сознание, вернув к реальности. Их «пап» стало пощечиной, от которой я даже отрезвел. Обычно я без промедления спросил бы у дочерей, что случилось, но сейчас боялся, что это «что-то» за окном меня услышит. Странная гнетущая тревога поселилась в нас с тех пор, как пришли «Они». Я, стараясь не создавать шума, аккуратно приподняв стул, отставил его и как можно быстрее подошел к окну. За стеклом, сквозь сильные водяные разводы, искажавшие детали пейзажа, я пытался увидеть хоть что-нибудь в палитре темных тонов ночи, но кроме вполне угадываемых очертаний ближайших домов, деревьев и детской площадки с ее многочисленными горками, качелями и лавками – ничего подозрительного не увидел.

– Что вы тут насмотрели, а? – взяв в охапку дочек и покрепче прижав к себе, спросил я.

– Ты что, не видишь? – очень тихо и, как мне показалось, обреченно спросила Соня. – Вон там, под дубом, – тогда я

наклонился к стеклу и устремил взгляд под большой одиноко стоящий дуб с раскидистой кроной и двумя веревочными качелями, которые подвязал весной.

Сначала я ничего не рассмотрел. «Их» вообще сложно увидеть в темноте. Возможно, это магическая способность, а возможно – особенность кожного покрова, помогающая охотиться на людей. Первым делом я увидел качели, толстый ствол дуба и только потом застывшую фигуру. В тот момент округу озарила молния, осветив контур тела. «Нечто» стояло неподвижно. На расстоянии пятидесяти метров я не мог рассмотреть ни глаз, ни «Его» пол, если у «Них» вообще существовала гендерная принадлежность, так же я не мог увидеть деталей гардероба. В блеске очередной зарницы показался еще один силуэт. Второй замер уже намного ближе. Он стоял на пустыре через дорогу. Обзор закрывала моя машина, но голову и торс было видно хорошо. Следующая вспышка дала рассмотреть «Его» лицо. Тогда, на расстоянии мне показалось, что «Он» прячет голову под глубокий капюшон. Издалека голова напоминала конус, плавно переходящий в длинную толстую шею.

– Телефон... – едва слышно произнес я, не отводя глаз от силуэта, стоящего через дорогу, напротив залитой жижей лужайки, где еще вчера росли цветы. – Девочки, телефон... принесите мой телефон. – Так же монотонно произнес я, не отворачиваясь от стекла, запотевшего из-за моего дыхания. Очередная яркая вспышка позволила мне лучше рассмот-

реть «Его». Вместе с зарницей сверкнули глаза существа. Злой прищур не моргающих глаз и полоса, будто бы зловещая ухмылка, разделяющая верхнюю и нижнюю челюсть невероятно большой пасти, ввергли меня в ужас.

Этот взгляд принадлежал существу, неуклонно следующему великой цели. Даже судя по одному взгляду мне было ясно, что намерения Его были недобрыми. Но вот зачем именно он пожаловал – было не ясно.

– Телефон, – от голоса Даши я вздрогнул и повернулся, чтобы взять мобильный, а когда вновь посмотрел в окно – существа там уже не было. От созерцания привычной картины – улицы без монстров – к горлу подкатил ком. «Если это не видение, – думал я, – то значит, оно в данную минуту может находиться где угодно и даже во дворе моего дома». Руки дрожали, глаза судорожно выхватывали из темноты некогда знакомые очертания, а сознание превращало детали интерьера в «Них». Я набрал номер «102», но услышал лишь короткие гудки. Потом я ввел «103» и даже «0890», но все набираемые мной абоненты были не доступны. Телефон ослепил меня, и теперь, в ночной, таинственной и пугающей до чертей улице, кроме бликов в глазах от экрана смартфона я не мог разглядеть абсолютно ничего. Какое-то время я всматривался во мрак, пытаюсь увидеть хоть что-нибудь, но чудовища ушли. Не дожидаясь развязки, на всякий случай, я попросил дочерей пойти к жене, а Машу – и вовсе решил не нервировать тем, что мы увидели за окном. Но «То» само

пришло к нам.

Окно вдруг разлетелось на сотни мелких осколков, устремившихся в кухню, а вместе с ними в мой дом ворвалось то самое создание, которое мы видели у дороги. В этой непередаваемо страшной ситуации я умудрился подумать, как же хорошо, что я отправил своих девочек к жене. В одно мгновение я был прижат к полу невиданно сильным зверем, изощренным убийцей, получающим удовольствие от охоты. Этот монстр напоминал рептилию, комодского варана или аллигатора, только в разы больше, ужаснее и свирепее. Длинное изогнутое тело – не то змеи, не то ящера – склонилось надо мной. Приблизив свою зубатую вытянутую пасть, темно-зеленая, слизкая и холодная тварь оголила клыки перед сокрушительной атакой, от которой не было шансов уйти. Чудовище выверенным, стремительным движением длинной шеи сделало выпад мне в лицо. В этот миг неожиданно для меня и для «Него» яркая вспышка, сопровождающаяся громopodobным, оглушившим меня звуком, остановила зверя. Монстр выгнул спину кольцом и упал рядом со мной, измазав комнату алой кровью.

– Эй? Ты как!? – по Машиным губам прочитал я, так как в ушах стоял небывалый гул.

«Машка! Золото!» – промелькнуло в голове, и я бросился к ней. Выхватив ружье, я проверил второй ствол. Оружие было заряжено. На улице у самого окна послышался шум. Как будто шелест травы и потом – громкое шипение. Эти

звуки слышала Маша и указала мне на улицу. Мы с женой перевели взгляд на разбитое окно и буквально через мгновение в него влетело второе существо. Зубастая пасть распахнулась и быстро приближалась к моей шее. Я выстрелил. Картечь угодила в торс, но создание проложило атаку. Упав в метре от меня, чудовище метнулось к нам, выставив закрученные, походившие на орлиные, когти. Ружье было разряжено, и я сумел лишь выставить его вперед, преградив путь к шее длинным желтым клыкам. Зубы ящера сомкнулись на вороненой стали и я был прижат к полу тушей монстра.

В пылу борьбы я заглянул в глаза хищника. Это чудовище явно не знало, что такое сострадание, оно не ведало о пощаде. Кроме собственного перепуганного лица, источающего ужас и страх в отражении глаз монстра, я рассмотрел жажду терзать; азарт охоты. Создание, вломившееся в мой дом, хотело насладиться убийством. Мне показалось, что ему был важен сам процесс и, разумеется, удовлетворение от логического его завершения. Убивал ли этот монстр, чтобы утолить голод? Наверяд ли, скорее, он пришел сюда вкусить крови – закрыть потребность в жестокой расправе, от которой чудовище получало наслаждение.

Я боролся недолго. Мои мышцы быстро проиграли чудовищному натиску и руки начали сгибаться, тем самым сокращая расстояние между моей шеей и загнутыми клыками. Я не обращал внимания на липкую кровь твари, стекающую мне на грудь, на гниющий смрад, исходящий из раскрытой

кзыкастой пасти. Я не видел ничего, кроме приближающейся раскрытой пасти. Все вокруг для меня кануло в густую тьму, а звуки, отдаленно и неразборчиво, сливались в единый фон. Я пытался пошевелить ногами, но массивная лапа рептилии намертво прижала их. В этой ситуации ничего не оставалось, кроме как наблюдать за своей смертью. Я смотрел на свое отражение в небольших, но глубоких черных пуговках, и в один миг глаза монстра увеличились в размере, округлились и чудовище ослабило натиск. Потом я увидел Машу, отпихивающую бездыханную тушу ногой. В футболке пропитанной кровью чудовища, поскальзываясь в багровой луже, я поднялся на ноги. Из черепа существа торчал бритвенно-острый нож. Маша, испачканная в слизь и кровь ящера, стояла у стены, а девочки, обняв друг друга, молча уставившись на происходящее, замерли в арке, ведущей в кухню, и дрожали.

– Спасибо! – произнес я, не сводя глаз с мертвецов. Теперь чудовищ можно было рассмотреть лучше, но мы бросились на второй этаж. Ружье осталось лежать в крови. О нем никто не вспомнил и, сопроводив дочек в спальню, мне пришлось возвратиться вниз за оружием и несколькими кухонными ножами. Когда я вновь оказался в столовой, тел уже не было. Широкая бордовая полоса вводила из комнаты на улицу через разбитое окно. Их явно забрали. В те мгновения я размышлял о количестве пришедших тварей. Из окна, где-то вдалеке раздавались выстрелы, крики, зов о помощи.

Было ясно, что убитые нами твари были не единственными, принимающими участие в налете на жителей Мурома. «Возможно, атаке подверглись и другие города», – размышлял я. Но больше всего меня беспокоило – придут ли «Они» снова и что делать дальше, ведь в доме, который я считал своей крепостью, было небезопасно.

Я оставил первый этаж без обороны и забаррикадировал спальню на втором, подставив к окну тяжеленный шкаф. Его пришлось толкать всей семьей, чтобы сдвинуть с места. Дверь же мы подперли оружейным сейфом, комодом и каркасом кровати, а матрац постелили в освободившемся от мебели дальнем углу комнаты. Мое выдавшее виды двуствольное ружье было снаряжено картечью. Всего патронов было шесть. Как мы выяснили, одного выстрела в упор могло не хватить для того, чтобы завалить монстра. Кухонные ножи точно являлись сомнительным оружием и для более безопасного их применения следовало смастерить что-то наподобие копья. Такое оружие позволило бы наносить колющие удары и оставаться вне досягаемости когтей и клыков, хотя бы в первые секунды схватки. Древка для копья, естественно, у меня не было, но в подвале, который я переоборудовал под кладовую и установил стеллажи, хранились инструменты и не только. Там была бензопила и топоры. Вспоминая об имеющемся арсенале, я нехотя признавал, что поход туда неминуем, но лучше было бы спуститься в подвал утром, когда скудный дневной проникнет сквозь окошки подвала. К сожа-

лению, в подвал через окошки помимо тусклого света хлынула и вода.

Утром первый этаж был пуст, там не было чудовищ. За окном все так же не прекращался нисходящий поток дождя. Теперь вода покрывала улицы. Моя «БМВ» оказалась погружена в воду по колесные арки. Дома, стоявшие в низине, дальше по улице, были утоплены до середины, а те строения, что находились ближе к реке, скрылись под водой по крыши. На одной из таких крыш собрались люди. Две женщины и один мужчина. Издалека было трудно рассмотреть происходящее, но я отчетливо понимал, что мужчина, выставив перед собой палку, защищал женщин от скрывающихся в потоке мутной воды.

Люди пятились назад. В шуме дождя можно было расслышать крики, но когда из воды, прижимаясь к крыше выползло существо, мне удалось расслышать мольбы о помощи. Чудовище встало на задние лапы и нависло над человеком, изогнув дугой толстый хвост. В дневном свете монстр был темно-зеленым. Мужчина сделал выпад, но проворное создание ударило его хвостом по ноге, и тот упал, выронив палку. Я отвлекся на мужчину и пропустил момент, когда сзади из воды появилось еще одно создание и, схватив когтистыми лапами двух женщин, утащило их в пучину, оставив лишь разрастающиеся круги в темных водах. Мужчина замер в ожидании расправы, выставив руки перед собой, но монстр ловко соскочил с крыши в воду, потеряв к нему интерес. После

воцарилась тишина. Тогда я не придавал значения этому случаю. Размышлять о том, почему же на крыше произошло падение, в котором мужчина остался жив, не было времени. Я думал о том, что в подвале нужно взять огромное количество вещей и ни в коем случае ничего не забыть, чтобы не пришлось спускаться в кладовую еще раз, но уже в полной темноте.

Дверь в кладовую распахнулась с надсадным скрипом. В полумраке подвального помещения, освещавшегося лишь светом из четырех небольших окон и распахнутой двери в коридор, открылся настолько мрачный и пугающий вид, что мне захотелось закрыть дверь и никогда туда не заходить. Но спуститься вниз было необходимо. Без нужных мне вещей я не смог бы обезопасить своих девочек, так что, собрав остатки воли в кулак, решился выполнить столь храбрый для меня поступок. Лестница была погружена в воду примерно до середины. Все помещение подвала оказалось затоплено, а где-то в глубине доносился шум стремительно проникающей сквозь оконные проемы воды. Розетки находились под водой. «Только не включай освещение!», – эта мысль пришла в голову, когда я уже собирался клацнуть выключатель. Глядя в черную, едва различимую во мраке кладовой воду, в голову пришел текст детской страшилки:

«В черном-черном городе.

В черном-черном доме.

В черной-черной комнате...».

Проговаривая мысленно, я пошарил в карманах и на-
ткнулся на дешевую зажигалку, которую носил по привыч-
ке. Вместе с ней, тоже по привычке, я носил еще и нико-
тиновые пластыри. «Сейчас им было бы неплохо прилип-
нуть к моему брюху». После нападения мысль о сигаретах
не покидала меня ни на секунду, но подобные желания я
держал в секрете от Маши, а не то разразился бы скандал.
Кстати, она не знала, что я ношу с собой отголоски чертов-
ски сильной зависимости. Зажигалка не сразу осветила по-
мещение огоньком. Сначала пугающие меня стены, вода и
спуск мелькнули во вспышке искр кремния. «Что там!?» Я
прокручивал колесико снова и снова, чтобы хоть как-то рас-
смотреть «нечто», медленнодвигающееся в воде в сторону
лестницы. Наконец-то огонь зажигалки появился, и я смог
увидеть сгруппировавшиеся вместе пластиковые коробки и
бутылки, медленно дрейфовавшие к ступеням. Перед тем,
как начать движение, я поставил патроны на ближнюю к во-
де ступеньку, чтобы не намочить, взяв лишь один на всякий
случай. В одной руке я держал зажигалку, вытянув ее перед
собой, а ружье прижал локтем и направил ствол вперед. Ти-
хонько выдохнул и начал спускаться по лестнице. Опустив
ногу в воду, я тут же почувствовал, как холод схватил ее. Хо-
телось по привыкнуть к температуре и, лишь потом продол-
жить движение, но я решил как можно быстрее справиться
с поставленной задачей и отогреться уже в безопасности за

баррикадой в спальне. Воды набежало уже по грудь, и я старался быстро схватить нужные вещи и уйти. Прощупывая ногой путь, я добрался до стеллажа с инструментами. В подвале мне пришла идея как следует заколотить двери и окна на первом и втором этаже, а также сделать копыя из имеющихся длинных кухонных ножей. Для этого я нашел молоток и коробку гвоздей, доски, успевшие уйти под воду (благодаря тому, что я знал, где они хранились). Также я прихватил китайский фонарик, правда без батареек, скотч, пилу и коробку с теми инструментами, которые сумел найти в воде. Все это я разместил на ступенях.

Теперь мне осталось захватить лопаты, чтобы позаимствовать дровяные. Садовый инвентарь располагался у дальней стены подвала. К ней я отправился, наставив ружье на ближайшее окно, а зажигалку и запасной патрон зажал в зубах, чтобы не намочить. Теперь глаза уже привыкли к полумраку кладовой, и я вполне отчетливо видел нужные предметы и понимал, куда идти. Когда я взял пару лопат – со стороны противоположного окна послышался всплеск воды. Мне показалось, будто что-то тяжелое упало в воду из окна. До лестницы было метров десять. Чтобы пройти до ступеней, мне нужно было сделать шагов пять вдоль стеллажей, потом повернуть налево и пройти десять шагов вдоль стены, чтобы оказаться у лестницы. Всплеск послышался примерно в пяти шагах от нее. Услышав звук, я выбросил лопаты, и они ушли под воду. Ружье пришлось взять двумя руками. сосре-

доточившись, прислушиваясь к всплескам, я медленно вышел к стене. Я оказался на пяточке, окруженном стеллажами, где хранились запасные части для моего магазина. Все «добро» находилось под водой. Шум потока заполнял помещение. Других посторонних звуков, я не слышал, только стук собственных зубов и журчания воды.

Какое-то время, дрожа от холода, выставив ружье перед собой, я смотрел на водопад, стекавший из окна, где прозвучал посторонний звук, но убедившись, что комната безопасна, вернулся к лопатам. Нащупав инструменты, я попытался поддеть их ногами, но они будто зацепились за что-то в воде и не поддавались. Тогда, положив ружье, зажигалку и патрон на верхнюю полку стеллажа, я, собрав волю и сделав глубокий вдох, нырнул в холодную мутную воду. Оказалось, что лопата скользнула в сторону, и ее черенок попал между ножек каркаса стеллажа. Рывком я выдернул застрявшую лопату из цепкой хватки металлической конструкции и вынырнул вместе с инструментом. В этот момент я ощутил непередаваемую тревогу и ужас. Казалось, нависавшее надо мной чудовище я почувствовал нутром. Очертания и без того темного подвала искажала стекающая на лицо вода. Необъяснимое ощущение присутствия чего-то враждебного и живого вызвало нервную дрожь. Страх тут же сковал тело и в следующий миг, не найдя в себе сил увернуться, я подвергся атаке. Монстр нанес мне размашистый удар в плечо. Я отлетел в стеллаж и, с силой ударившись, опрокинул его

вместе с содержимым. Ружье, предусмотрительно оставленное на нем, упало в пучину. Придя в себя и осознав, что нахожусь под водой, я из последних сил вынырнул, судорожно хватая ртом воздух. Ящер, расставив когтистые лапы в стороны и подняв вверх длинный хвост, бросился на меня. В этот раз я не стал медлить и страх сыграл в мою пользу. Рывком я подтянулся к полке застрявшего под углом стеллажа и оказался за спасительной преградой – его металлической конструкцией. Чудовище с невероятной силой врезалось в каркас из нержавеющей стали и сунуло лапу между направляющими, скользнув по моей ноге когтями. Я почувствовал обжигающую боль, но продолжал ползти под водой вперед. Перебирая руками по полу, я нащупал ружье. Взяв его и оттолкнувшись, проплыл под водой до следующего стеллажа и вынырнул, развернувшись лицом к неприятелю. Едва успев вытряхнуть воду из стволов, совершил выстрел, как заправский охотник. К счастью, порох не намок, и картечь раздробила челюсть монстра. Снова в ушах поселился мощный, поглощающий прочие звуки гул. Чудовище беззвучно для меня взревело и бросилось в атаку. Я выстрелил второй раз, попав ящеру в шею. Существо повалилось в темную, взволнованную схваткой поверхность, и осталось на дне вместе с лопатами, а я бросился к лестнице, где уже показалась испуганная Маша. Она что-то орала мне, направив нож в сторону воды. Первым делом, не обращая внимания на жену, я перезарядил ружье и, став спиной к лестнице, попятился

к ступеням, выходящим из подвала. Мы вместе вытащили собранные вещи, и я торопливо заколотил дверь в подвал из коридора парой досок. Возможно, этого было недостаточно, но их осталось совсем мало и, скорее всего, не хватит, чтобы обезопасить спальню.

– Где девочки? – спросил я, вспомнив происшествие на крыше одного из домов у реки. О нем я решил не распространяться. Маша и так натерпелась сполна и еще больше впечатлений ей не пойдет на пользу.

– Они в безопасности. В спальне. – Жена взяла часть вещей и спешно поднялась на второй этаж, а я последовал за ней. Дверь она закрыла на ключ и когда мы вошли, то отодвинутая ею мебель, служившая преградой, находилась в стороне от входа. Первое, что бросилось мне в глаза – это отсутствие дочерей. Я осмотрелся. Их не было ни на матрасе в углу, ни за дверью, ни за мебелью, сгруппированной у входа. Также я заметил, что окно было разбито, а тяжеленный шкаф, закрывавший его, лежал на полу.

– Соня! Даша! – дрожащим, перерастающим в истеричный вопль, голосом окликнула Маша. Она бросилась к лежащему на боку самодельному оружейному сейфу. Это был толстостенный металлический ящик с замком, служившим безопасным хранилищем для моей двустволки. – Соня! Даша! – снова окликнула она, подбираясь к окну.

– Где они? – тихо спросил я, постепенно осознавая то, что произошло в этой комнате совсем недавно. Маша замерла

у окна, закрыв рот рукой, вся содрогаясь в нервной дрожи, начала рыдать.

Я осторожно подошел к окну, ведь то, на что уставилась жена, могло быть куда ужаснее и страшнее чудовищ, атаковавших нас, но безумный, какой-то далекий и отрешенный ее взгляд не остановился на телах или останках наших девочек. Она просто смотрела вдаль мокрыми глазами, источающими безысходность и глубочайшую скорбь. Долгое время Маша пребывала в отрешенном, неменяемом состоянии. Она, бледно-зеленая, с потеками на лице и торчавшими, будто залакированными, грязными волосами, сидела на матрасе и тихонько покачивалась, не отводя взгляд от окна. Маша пришла в себя только утром. Она рассказала мне, что услышала выстрел и тут же бросилась ко мне на помощь, а девочек посадила в сейф, дав им ключ (имея ключ, замок можно было открыть как снаружи, так и изнутри), но чудовища словно поджидали лучшего момента, ворвались в комнату и нашли дочек.

Я уже успел заколотить окно и снова подпер его мебелью. Первый этаж я тоже забаррикадировал. Дверь в уборную пришлось использовать в качестве большой доски и закрыть ею разбитое окно в кухне-столовой. Прибитая вешалка и полки в прихожей тоже послужили досками. Двери и окна во всем доме были заколочены и заставлены мебелью. Я прекрасно знал, что это не панацея от нападения, но, во всяком случае, укрепления помогут сдержать тварей на вре-

мя и не дадут напасть внезапно.

– Я уверен, что они живы, – тихо начал говорить я, когда Маша подала признаки вернувшегося разума.

– Я тоже молю Бога, чтобы они жили, но с какой стати эти монстры будут оставлять им жизнь? Потому что мы так хотим?

– Я видел кое-что. Это насторожило меня, – я решил рассказать, как ящеры напали на людей, утащив двух женщин под воду, а мужчину не тронули.

– Боюсь представить, зачем они похищают женщин, – от мыслей Машу передернуло.

– Даже не представляю, но очевидно, если бы им нужны были трупы – живьем людей они не забирали бы.

– Но ты же не видел, что было дальше? Возможно, этих женщин распотрошили в воде. – Маша сжала кулак и поднесла его ко рту, будто сейчас ее вырвет. Я видел, что жене стало дурно. Снова потекли слезы. – Что будем делать? – с трудом произнесла она сквозь психогенные всхлипы и икоту накатившей истерики.

– Нам нужно поехать и хорошо подумать, где искать детей, а потом отправиться на поиски, – произнес я весьма уверенным голосом, но поглядывая в небольшую щель в досках на затопленную улицу, на самом деле даже не представлял, где искать девочек и каким образом передвигаться по воде. Дождь лил все эти дни, не стихая ни на минуту. Только у нашего дома глубина воды составляла чуть больше метра и

в аккурат доходила до подоконников первого этажа. Дома, расположенные вниз по улице и вовсе ушли под воду.

– Есть? Ты можешь есть? Ты хочешь поесть, может быть еще поспать и потом отправиться на поиски наших дочек? Может быть, пока ты набиваешь пузо – кто-то набивает живот нашими детьми! – Маша стремительно теряла контроль над эмоциями.

– Чтобы отправиться на поиски, и они были результативными, нужно хорошенько обдумать, где искать и как к этому месту вообще добраться. – Я пытался спокойно отвечать.

– Сейчас не та ситуация, чтобы думать! Нужно действовать! И чем быстрее мы вытащим свои задницы на улицу – тем больше шансов будет спасти жизни наших дочек! – орала жена.

Я очень любил ее. Маша была моей музой, моим объектом обожания, но все самые чистые и светлые мысли сама же могла уничтожить, выплеснув ведро негатива – обидного дерьма – прямо мне на голову. Обычно после ссоры я всегда оставался виновен во всем происходящем. Возможно, и в этот раз я бы остался наедине с самим собой на несколько дней и в нашем доме воцарилась бы тотальная тишина с демонстрацией набора из лучших негодующих масок – Машинных гримас, – но посторонний шум, доносившийся из столовой, отмел абсолютно все насущное, и мы, взяв оружие, подкрались к баррикаде. Стуки, скрипы, звон столовых приборов доносились из кухни. Кто-то исследовал кухонную ме-

бель. Было ясно, что это не твари, пришедшие с дождем, а другие твари – люди, но все равно выдавать свое местоположение совершенно не хотелось.

– Может они знают, где девочки?

– Ага, может еще скажешь, что они их и похитили? – с раздражением бросил я.

Еще какое-то время звук исходил из кухни, а потом мы услышали, как вскрывается заколоченная дверь в подвал, а потом – шаги по лестнице на второй этаж. Слышно было хорошо, несмотря на то, что незваные гости пытались передвигаться тихо. Наша спальня была дальней комнатой, и чтобы дойти до нее – следовало миновать детскую и санузел. Осматривали комнаты «гости» явно в спешке, потому что не прошло и минуты, как дверная ручка медленно повернулась, а дверь подалась на сантиметр и уперлась в заколоченные мной доски.

– Забита изнутри, – услышали мы шепот за дверью.

– Точно? Ну-ка, дай я, – ответил второй и дверь снова уперлась в доски.

Я обратил внимание, как Маша с силой вцепилась в рукоять ножа. Костяшки ее пальцев побелели от напряжения. Она была напугана. На долгие для нас мгновения воцарилась тишина, а потом в дверь тихонько постучали и как-то нарочито вежливо спросил – есть ли кто в комнате. Мы промолчали, тогда за дверью снова слышались голоса.

– Никого. Ломайте! – басовито сказал один из них, но уда-

ритель по двери я им не дал.

– Здесь люди! Что вам нужно? – мой голос дрогнул, несмотря на то, что я пытался произнести фразу как можно грубее. Сказанное растворилось в нависшей тишине, а после короткой паузы, видимо, пошептавшись, неизвестные начали диалог.

– Привет! – добродушно произнесли за дверью. – Мы просто люди, пытающиеся сохранить свои жизни.

– Отлично! Мы тоже. Что вам нужно? – спросил я, одновременно указав Маше место за сейфом, куда она должна была отойти, а сам сместился в сторону стены, чтобы не стоять напротив двери, и направил ружье на баррикаду.

– Мы хотим попросить у вас немного еды, – жалобно прозвучало за дверью.

– В холодильнике, на кухне! Смотрели? – произнес я, глянув на небольшой пакет с заранее собранными продуктами. Эти скромные запасы были всем, что оставалось в доме и было пригодно к употреблению в сыром виде.

– Да, но там ничего нет.

– Ну, так значит ничего и нет! – произнес я так грубо, как только мог.

– Очень жаль! – теперь как-то угрожающе говорил по ту сторону двери. – Может, откроете нам, и мы переждем эту дождливую ночь вместе с вами, а утром уйдем на поиски еды. Если хотите, можем взять вас с собой. – На его слова я хотел ответить отрицательно, но Маша, молчавшая все это

время, все-таки вставила свои пять копеек в этот по-настоящему мужской и смертельно опасный разговор.

– Скажите, – обреченно начала она, – вы не знаете, куда они утаскивают людей? – После ее вопроса вновь повисла тишина. – Наши девочки... их похитили... – сидя на коленях, сторбившись, она опустила руки и горько беззвучно зарыдала.

– Возможно, один из нас сможет вам помочь. Он из полиции, – произнес уже знакомый голос и его подхватил другой.

– Здравствуйте. Да, я действительно сотрудник полиции и знаю, что эти чудовища приходят из заброшенного РИПа, – он запнулся, а потом продолжил, – говорят, их видели у одного из затопленных колодцев на полигоне.

– А что это такое, РИП? – с надеждой спросила Маша.

– Завод радиоизмерительных приборов, – опередил я незнакомцев.

– Да, все верно! Послушайте, у нас здесь есть врач, может вам нужна помощь?

– Да, – выкрикнула Маша, рассматривая мои глубокие порезы, края которых стали фиолетовыми, а кровь в глубине раны – запеклась и почернела. Я нахмурился и, крепко сжав губы, погрозил жене кулаком.

– Да, нет. Знаете, нам не нужна помощь. Нам нечем поделиться, так что просто уходите. – Ответом на мои слова стал мощный удар. Рубящая кромка топора пробила дверь и застряла в одной из прибитых досок. Маша завизжала, выро-

нила нож, закрыв лицо руками, а я прицелился в центр двери и ждал подходящего момента для выстрела. Патронов было всего три, а количество нападавших оставалось неизвестным. Еще я учитывал наличие преграды для картечи. Деревянная дверь, комод и доски значительно снижали останавливающую способность «волчьей» картечи.

Молча, они разбивали дверь топором и, проделав дыру размером с кулак, один из нападавших прильнул к ней, чтобы разведать обстановку.

Когда в отверстии показалось сморщенное, испещренное морщинами, разъяренное лицо – я выстрелил. Тело рухнуло, окропив темными брызгами стену коридора.

– Сука! Мать твою! Сука! – вопил самый разговорчивый из них. Я сместился в сторону еще больше и теперь присел на колено в метре от двери так, что мог видеть часть коридора справа от входа. В отверстии показался человек. Я снова выстрелил и он, отшатнувшись, беззвучно сполз по стене.

– Надеюсь, это был не врач? – крикнул я, заряжая последний патрон. Ответа не последовало. Тогда я сместился в противоположную сторону, выгнав Машу из-за сейфа, а сам, облокотившись на него, осмотрел коридор через отверстие, увеличившееся до размера мяча. Помещение за дверью было пустым. Казалось, что неприятель отступил и в доме уже не было посторонних.

– Прошу, не открывай! – сквозь слезы завывала Маша, когда я подошел к баррикаде и начал ее разбирать.

– Прощу тебя, просто заткнись! Ты уже много сегодня наговорила! – после моих слов воцарилась тишина. Жена иногда всхлипывала. Я полностью убрал баррикаду и мне осталось лишь отодрать доски, чтобы путь был открыт. Перед тем как это сделать, я вновь осмотрел подступы к комнате и, убедившись, что кроме двух мертвых тел там больше никого нет, снял доски и открыл дверь.

Из коридора потянуло свежим воздухом. Запах озона заполнил помещение. Ствол моего ружья, за которым я вел взгляд, скользнул по распластавшимся трупам. Я увидел чудовищные раны. Тому мародеру, которому я выстрелил в голову, снесло череп. Из шеи торчала бледная трахея и свисала нижняя челюсть, остальные части головы раскидало по стене. В пылу контрнаступления я не заострил внимания на моральной составляющей вопроса. Вместо тягучего и гнетущего ощущения сочувствия и раскаяния, я был доволен тем, что до сих пор мы оставались живы и, что стало намного безопаснее. Потом я направил ствол в сторону лестницы, куда вели кровавые следы от обуви. Даже мельком осмотрев следы, я понял, что они принадлежат двоим. Вздохнув поглубже, я двинулся к лестнице. Со второго этажа было видно, что отпечатки обуви заканчиваются на последней ступеньке; половину первого этажа покрывала вода. Меня встретила ранее казавшаяся удобной планировка. Сейчас же я думал о том, что на меня могли совершить нападение с разных сторон и обезопасить себя на сто процентов я был бы не в силах. Ма-

ша за мной не пошла. Она, как мне казалось, остановилась у входа, уставившись на изувеченных мертвецов. Видимо, картина человека без головы подействовала на нее не хуже, чем распятие на вампира. Я заглянул на кухню и, убедившись, что там пусто, направился в гостиную. В этой большой комнате было место, чтобы спрятаться. Проходя мимо вскрытой двери в подвал, я осторожно заглянул в помещение. Кладовка полностью погрузилась под воду. Только несколько ступеней (пока еще) были на поверхности. Посчитав, что притаться посторонним здесь не удастся, я продолжил движение в гостиную. Едва я дошел до арки в комнату – из-за стены на меня кто-то напал. Это не был один из ящеров. Слишком он был маленьким, но по человеческим меркам довольно крупным. Первое, что сделал нападавший, это схватил ствол ружья и поднял его как можно выше, а второй рукой ударил меня в лицо. От сокрушительного удара я потерял сознание, а когда пришел в себя, то увидел нависших надо мной незнакомцев. Было ощущение, будто у меня отсутствует пол лица. Один глаз перестал видеть, с головы капала кровь.

– Ну что, ворошиловский стрелок? – начал один из них, – пострелял и хватит? – и с размаху ударил меня прикладом. После удара я снова потерял сознание.

Очнувшись, я все так же лежал у стены. Голова раскалывалась от боли, как обычно бывает после хорошей попойки или когда отходишь от наркоза. Тошнота подкатила к горлу,

вокруг все медленно вращалось. Я попытался осмотреться. В коридоре лежали нападавшие. Они были жестоко убиты – разорваны. Их оружие – топор и мое ружье – лежало рядом с телами. Первым делом я подумал о том, что это сделала Маша, но когда подполз ближе и рассмотрел страшные глубокие раны, понял – это сделали «Они».

– Монстры пришли вовремя, – едва слышно произнес я.

Ружье было по-прежнему заряжено. Собрав оружие, я на четырех косяках пополз в спальню, а когда добрался до комнаты, то понял, что моей жены нигде не было. Сидя рядом с мертвецами у дверного проема, я поглядывал на ружье, заряженное одним патроном. После того, как я обдумал то, что произошло со мной и моей семьей, я пришел к выводу, что выбор дальнейших действий невелик. Маша теоретически могла уйти сама из дома, пребывая в тяжелом потрясении, но вот был ли у нее шанс уцелеть на улице? Не попасться в лапы хвостатым ублюдкам? В лучшем случае, она оказалась живой в их логове, что, как мне казалось, было равносильно неминуемой гибели. Или же она была мертва, как и наши девочки.

Итак, я решил, что лучшим вариантом будет сдаться и прервать этот жуткий кошмар, выстрелив себе в рот, а второй вариант – подобно скандинаву или русскому воину, взяв топор, пойти в озвученное (ныне мертвецом) место – на полигон заброшенного завода. Но даже если они живы, мне нужно добраться до полигона, а сделать это не так уж и про-

сто, ведь улицы были затоплены. Тогда я подумал, что скорее погибну по пути к предполагаемому месту назначения, нежели сойду в неравной битве с чудовищами на их территории.

Конечно, проще было сунуть ствол поглубже в рот и спустить УСМ. Когда я был в миге от нажатия на спусковой крючок, меня осадил мысль о том, что я даже не осмотрел территорию, прилегающую к дому. «И правда, мало ли что?», – подумал я, вытаскивая ствол изо рта. Выглянув из открытого окна в кухне, я увидел небольшую лодку из нержавеющей стали с небольшим подвесным мотором и веслами. В ней лежали веревки и канистра с горючим. К сожалению, покрутившись у дома, Машу я так и не нашел, но с лодкой шансы найти своих девочек увеличивались. С суицидом я пока повременил. Не обращая внимания на головокружение, острую боль в затылке и тошноту, я снарядил плавсредство, прихватив с собой фонарь, топор, Машин кухонный нож, найденный на полу в спальне, и ружье.

Мотор жужжал назойливо и громко, от чего мне становилось еще хуже, но лодка шла быстро и уверенно. Ее толкал неукротимый речной поток, вышедший из берегов. В темной, стремительной и бурлящей, а порой гладкой, как поверхность зеркала, воде встречались отголоски цивилизации. Я огибал торчащие железяки – детали конструкции грузовика, обгонял на скорости плывущие по течению тела погибших, поваленные деревья и собирающийся в островки

мусор. Каждое мгновение было насыщено моими переживаниями. Оглядываясь по сторонам, я пребывал в ожидании атаки или столкновения с подводным препятствием, коих на затопленных городских улицах было очень много. Пробыв весь путь в напряжении, я добрался до территории завода. Окрестности еще не были затоплены водой и в метрах трехстах от забора, которым было огорожено завод, лежала лодка, выброшенная на сушу. В ней я нашел сигнальную шашку и старенькое отечественное помповое ружье «Бекас» с пятью патронами. Я решил взять его, а двустволку, разрядив, оставил в лодке вместе с ножом. Топор и фонарь были уже при мне и висели на поясе. Через ограждавший предприятие забор я перебрался с трудом. Идти было тяжело. Меня по-прежнему шатало, головная боль не покидала. На какое-то время исчезла тошнота, но когда я нашел колодцы, ведущие в недра, и из них хлынула мерзкая вонь – желудок тут же отреагировал, меня вывернуло на месте. Через время, привыкнув к смраду, я перестал чувствовать его.

Путь в глубину начинался с длинной ржавой лестницы, установленной в колодце. Она была мокрой и скользкой. По стенкам бетонной конструкции струилась вода и капли дождя попадали на меня с разгневанных небес. На дне, примерно по пояс, стояла вода. Что-то плавало в темноте, но даже без света фонаря, который я тут же включил, как только очутился в воде, было ясно, что внизу циркулирует пластиковый хлам. Раскаты грома слышались приглушенно, а вот

перезвон капель был громким и исходил отовсюду. Мой китайский компактный фонарь давал мощный, плотный световой пучок, но для него новых батареек в доме не нашлось и мне пришлось взять их из пульта от телевизора, которые я давно собирался поменять. Их запас, безусловно, мог иссякнуть в любой момент, и я решил экономить энергию столько, сколько мне позволяла обстановка. Пока что очертания большой бетонной трубы, уводившей куда-то в сторону и другие декорации подземелья, я мог разглядеть, но с каждым шагом, отдаляясь от светового круга, нисходящего с вершины колодца, обстановка все больше погружалась в непроглядный мрак. По катакомбам пришлось побродить не один час, пока моему взору не открылся ужасающий вид. В бетонной стенке я увидел длинную, не меньше десяти метров в длину и метра в высоту, трещину, в которой луч фонаря терялся в бездонной темноте. Казалось, что пространство за ней такое же безграничное, как и космос. Сомнений не было – это то, что я искал. Очевидно, что мои девочки находились именно там. Не раздумывая, я пролез в разлом и стал на спрессованный, влажный грунт. Это была полоска не больше метра, за которой начинался обрыв. Путь уводил меня глубоко вниз и, опираясь о влажную земляную стену, я следовал, по всей видимости, дорогой существ. Часов у меня не было, но я точно знаю, что дорога заняла очень много времени, а когда спуск привел на каменное плато и я осветил фонарем окрестности, то понял, что нахожусь в глубокой, воз-

можно, доисторической пещере. Стены и пол были из камня. С одной стороны раскинулось подводное озеро, воды которого были прозрачны и чрезвычайно холодны, с другой стороны по стене беззвучно стекала вода.

Не успев освоиться на новом месте, я ощутил сильный озноб. Неудивительно, здесь было очень холодно, но путь уводил еще глубже и в следующей пещере стало заметно теплее. Над бурной подводной рекой вздымались клубы пара. Вода в ней была горячее. Помещения, скорее всего, высекались вручную, их делали «Они» при помощи каких-то инструментов. На удивление, стены оказались гладкими и ровными. Зал за залом я проходил в поисках семьи, но все помещения были пусты. Я слышал собственное дыхание, капельный перезвон и отдаленный шум речного потока. Здесь, на глубине, ощущалась нехватка кислорода. Скорее всего, помещения имели сложную вентиляционную систему, а иначе я бы уже умер от гипоксии. Когда я совсем отчаялся и готов был сдаться, взору открылось пространство с испещренной неизвестными символами каменной стеной. Внизу по центру в свете фонаря виднелся темный проем. Узкий вход вел в небольшой коридор. Оказавшись в нем, я с ужасом осознал, что здесь мне не удастся разминуться с монстрами, похитившими мою семью. Сняв с плеча ружье, я осторожно вошел в тоннель.

Коридор вывел меня в сферовидный зал, из вершины которого падал яркий белый свет. Это был небольшой в диа-

метре луч света, источник которого мне до сих пор неизвестен. Вокруг светового столба находились одинаковые полусферы. На них животами вверх, с пристегнутыми конечностями покоились люди. В таинственном свете я видел их бледные лица. Все эти тела принадлежали женщинам. Также в свете я отчетливо разглядел большие рваные раны на их животах. Меня охватил небывалый ужас. Калейдоскоп образов девочек перед моими глазами листал сам Сатана. От мыслей ноги подкашивались, а из глотки рвался тошнотворный, пропитанный безысходностью и отчаянием стон. Не удержавшись, я завыл. Слезы размыли увиденное. Безудержный, судорожный плач и афония какое-то время не отпускали меня. Я боялся поднять голову и осмотреться. Боялся увидеть среди гниющих тел свою семью. Истерический припадок усиливался, и я начал задыхаться. Мою грудь сдавило, и я рухнул на каменный пол. Когда я распластался на камне, мой взгляд встретился с одной из мертвых женщин. Она смотрела прямо мне в глаза. Это была девушка на вид лет двадцати. Ее, как и остальных, привязали кожаными плетеными веревками к каменным проушинам за руки и ноги. Я задержал взгляд на ее глазах. Лицо мертвеца застыло в мучительной гримасе. Ночная рубашка была пропитана кровью. Казалось, что «некто» вырвался из ее живота и, насытившись плотью, самостоятельно уполз прочь. Я отвернулся, но мой взгляд встретился еще с одним трупом, а потом еще и еще. Тогда я что есть силы зажмурился, но увиденное слов-

но отпечаталось на веках. Я несколько раз глубоко вздохнул. Мне казалось, что удары моего сердца слышу не только я, но и чудовища, обитавшие здесь. Слушая удары своего сердца, я сумел расслышать посторонний шум. Это был звук, доносившийся с другого конца сферического зала. За все время, пока шел дождь, я преуспел в ловкости и умении двигаться тихо. Да, не спорю, поначалу это получалось у меня не очень ловко, но сейчас я передвигался быстро и бесшумно. Скрываясь за полусферами и выглядывая из-за многочисленных тел, я добрался до источника звука.

– Вы не видели мою маму? – тонким, дрожащим, срывающимся в плач голосом произнес ребенок. Со мной заговорила девочка, по-видимому, привыкшая к однообразной обстановке и тишине. Она услышала меня сразу, как только я проник в помещение.

– Нет, – сказал я, выйдя из-за укрытия.

– Вы пришли за мной? – в голосе ребенка я слышал надежду. Представляю, сколько раз эта девочка прощалась с жизнью в «Их» цепких лапах.

– Да, – немного повременив с ответом, соврал я.

– Тогда нам нужно поторопиться, я думаю, скоро они придут. – Ничего не ответив, я бросился к ней и принялся перерезать топором кожаные веревки. На девочке совсем не было одежды, и я отдал ей грязную, измазанную в кровь футболку, повисшую мешком на худеньком тельце.

– Хорошо. Как тебя зовут?

– Таня...

– Тань, мне нужно найти еще трех девочек.

– В этой комнате осталась только я, остальные мертвы.

– Не может быть! – отчаянно проронив, я осмотрелся в заполненном трупами помещении. Я не мог уйти, не убедившись в том, что моей семье уже нельзя было помочь, но, чтобы убедиться в этом, – нужно было найти их среди многочисленных трупов, которых здесь было не меньше ста.

– Есть еще одна комната, – произнесла она, указывая на проход в стене. Это был такой же коридор, как и тот, через который я попал сюда, но находился он на противоположной стороне зала.

– Идем! – решительно сказал ей, крепко схватив за руку. Мы поспешили в следующий зал.

Помещение ничем не отличалось от предыдущего. Яркий столб света исходил сверху. Здесь находилось множество полусфер с телами женщин. Приблизившись, я понял, что большинство из них живы. Некоторые стонали от боли. Складывалось впечатление, что шарообразные, вздувшиеся животы вот-вот лопнут и кожа надорвется, а внутренности выпадут на холодный камень.

– Маша! Даша! Соня! – что есть сил орал я в надежде, что они отзовутся на мой зов. Сквозь окружившие меня стоны и шепот, вырывавшийся из уст женщин, пребывавших в бреду, я слышал мольбы о помощи, мне послышался и голос жены – тихий, протяжный. Она звала меня. Сначала я посчитал,

что мне показалось. Что этот звук скорее галлюцинации, но через время уже донеслось: «Папа! Мы здесь!». Сжав руку Тани, я бросился на голос Сони. Маши в этом помещении не оказалось.

– Я здесь! – слабым голосом протянула моя дочь, когда увидела меня на фоне стонущих и корчащихся от боли пленниц. Подбежав к Соне, позабыв обо всем, я бросился ее целовать и обнимать. – Где мама? – хрипя спросила она, но я только рыдал и, не отвечая, перерезал веревки, оставившие на ее нежной коже фиолетовые полосы. Больше Соня не спрашивала меня о Маше, как будто прекрасно понимала, почему я пришел один. – Мы будем забирать Дашу? – спросила она, не отводя своих отрешенных и, как мне показалось, безразличных глаз. Я ответил утвердительным кивком. Это все, на что я тогда был способен. Когда я освободил ее, Соня, склонив голову и не сказав ни слова, указала пальцем на соседнюю полусферу. Ком к горлу подступал медленно. Дрожь в ногах появилась не сразу, а по мере осознания того, по чьей стекающей крови поднимался мой взгляд. Словно на алтаре, выгнув спину и застыв в мучительном напряжении навсегда, лежала моя Даша. Какое-то время я пребывал в беспамятстве. Забвенье ослепило меня. Я не видел чудовищ, я не слышал криков девочек, пытавшихся донести обезумевшему «мне» об атаке монстров. Я не видел разъяренного ящера, приближавшегося ко мне с разинутой зубатой пастью. Гипнотический паралич разорвал оглушающий вы-

стрел. Монстр упал, не достигнув меня. Я повернулся и увидел, что Таня сумела нажать на ударно-спусковой механизм и от выстрела отлетела в полусферу, ударившись затылком о камень. С нескольких сторон, угрожающе шипя, неслись еще два чудовища. Я перекатился к ружью и, дослав патрон в патронник, выстрелил в одного из них. Ящер был на расстоянии вытянутой руки. Дернув цевье, я присел на одно колено и развернулся в сторону третьего нападавшего. Вспышка – и голова рептилии разлетелась на куски. Соня сидела на камне, зажмурив глаза и прижав уши руками.

– Идем! – забросив Таню на плечо и схватив Соню, я что было сил бросился проч. Я прекрасно понимал, если на нашем пути встретятся чудовища, я не смогу отбить внезапную атаку, ведь мои руки были заняты, а помповик висел на плече.

На обратной дороге я доканывал себя всяческими разрушающими мыслями. Самая безобидная была о забытом топоре и выпавшей сигнальной шашке у Дашиного тела, остальные – гнали слезы из глаз не хуже перцовой эмульсии. Перед глазами отпечаталась картина, которая будет преследовать меня до конца дней. Возникать во снах и тогда, когда я буду оставаться один на один с собой. Еще я думал о Маше, которую бросил в логове кровожадных монстров и о том, что там творилось с женщинами. Что именно они делали с ними и что пожирало их внутренности. Мне даже показалось, что «Они» отпустили нас. Оставили в покое. Но только мы

оказались в круге света, исходившего из колодца, в темноте помещения, через трещину в бетонной трубе мелькнул едва заметный силуэт. В это время Соня взбиралась по лестнице, а я двигался сразу за ней с Таней, обмякшей на плече. Ружье, в котором оставалось три патрона, было наставлено во тьму. Я слышал шипение, но стрелять на звук не стал. Жалел патроны и боялся, что перезарядить помповик одной рукой, не имея практики, не сумею, а твари ждать не будут. Чудовища будто знали, что в данную минуту я нахожусь в сложном и неудобном положении, поэтому начали атаку. Они одновременно бросились из темноты, и я выстрелил в спешке, задев их дробовым зарядом. Урон был слабым для могучих ящероподобных монстров, и они, раненые, вцепились в поперечины ржавой лестницы. Я остановился и все же сумел перезарядить оружие одной рукой, «по-голливудски», затем выстрелил наспех в ближайшего монстра, размозжив голову. Бездыханная туша рухнула на следовавшего по пятам, и они оба, отломав ржавую лестницу, упали в воду, а я наконец-то выбрался на поверхность. По пути к лодке нас не преследовали. Последний патрон, снаряженный волчьей картечью, был в патроннике, нож я положил на переднюю банку нашей лодки и, усадив в нее девочек, принялся толкать плавсредство. Лодка едва поддавалась, и пока я столкнул ее в воду, и она начала стремительно следовать течению, за спиной раздалось шипение. Девочки истошно заорали, тыча в сторону берега. Волчья картечь превосходно останавливала

этих ящеров выстрелом в упор, поэтому я повалился в лодку и, развернувшись, направил ружье в сторону нападавшего, предварительно уперев приклад в дно лодки. Ящер был уже на излете примерно в метре от нашего корыта. Мне лишь оставалось нажать на «спуск». УСМ клацнул, но выстрела не последовало! Монстр с силой врезался в меня, припечатав ко дну и вцепился в мое правое плечо длинными загнутыми зубами. Я ощутил острую боль, тошнотворный и запах гнили, исходивший из пасти. Девочки истошно кричали, и я, осознав, что моя жизнь вот-вот оборвется и судьба двух детей зависит только от меня, принялся нащупывать нож, оставленный на передней банке. Я нащупал режущую кромку. Не перехватывая его, сжал клинок ладонью и всадил окровавленное лезвие в шею чудовища. Казалось, оно не заметило удара, и я из последних сил врезал в торец рукояти, а потом бил снова и снова, пока все двадцать сантиметров лезвия не вошли в шею и ящер не ослаб, придавив меня. Несмотря на то, что наша скорлупка шла по центру мутного потока, я впервые за долгие часы почувствовал себя в безопасности. Девочки помогли мне выбраться из-под туши и вместе мы сбросили темно-зеленого зверя в воду. Еще несколько часов мы двигались по течению в русле Оки, пока на нашем пути не появилась баржа, перевозившая лес. Видимо, мы были в таком жутком состоянии, что даже издалека матросы заметили нас и вытащили из воды. Теперь мы были в безопасности.

Мои ближайшие планы – вернуться в их логово и уничто-

ЖИТЬ ТАМ ВСЕ...